

УДК 340.12

Общая теория маргинальности: проблемы правового подхода**Степаненко Р.Ф.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теоретической истории государства и права
Академии управления «ТИСБИ» (Казань)

Чулюкин Л.Д.

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассмотрены этапы становления и развития зарубежной и российской общей теории маргинальности. В многообразии направлений и концепций рассмотрения социального феномена маргинальности авторами выделяется правовой подход ее изучения и обозначается проблематика теоретико-правового и криминологического исследования данного явления.

Ключевые слова: маргинальность, отчуждение, миграция, маргинальный образ жизни, субъект права.

Новейшая российская история, демонстрирующая кардинальную реконструкцию постсоветского пространства, не могла не повлиять на качественное изменение структуры российского общества. «Азиатская» модель общественного устройства российского государства, прочно укрепившись за долгие десятилетия советского периода в виде редистрибутивного системообразующего основания, установила внетоварный, неэквивалентный, «вертикальный» продуктообмен в виде «волевого изъятия центральной властью прибавочного продукта с целью его последующего натурального перераспределения, облеченный в форму “личной зависимости” – т.е. редистрибуции» [1, с. 143].

Последующая попытка структурирования российского общества по типу рыночных отношений с использованием механизмов приватизации, состоящая в передаче государственной или муниципальной собственности в собственность отдельных лиц или групп лиц, обусловила процессы трансформации всех социальных институтов – экономических, политических, культурных, образовательных и т.д. «В стране произошел глубокий общественный переворот, который был обусловлен изменениями отноше-

ний собственности и власти» [2, с. 55], повлекший за собой значительные, в т.ч. деструктивные преобразования социальных основ. В этих условиях «заработали критерии стратификации рыночного» российского общества, повлиявшие на формирование довольно устойчивых социальных групп, таких как «новые богатые», «новые бедные» и безработные, две последние из которых, в широком смысле, объединились в общее социологическое понятие «андекласс». Представители этого класса, социально бедные, экономически зависимые от государства, исключенные (добровольно или вынужденно) из рынка труда и из доминирующей культуры, пополнили и без того немалую общность «субкультуры бедности», что в целом повлияло на значительное увеличение маргинальных слоев российского населения (социальные сироты, беспризорные, лица без определенного места жительства, лица, занимающиеся попрошайничеством, проституцией, нелегальные мигранты, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией и др.). Безусловно, понятие «андекласс» не следует отождествлять с понятием «маргинальные группы», однако и социально-классовый, и культурно-нормативный стратификационные подходы в социологии значительную

их часть рассматривают в качестве маргинальных в соответствии с признаками их «социальной опасности», «низкого положения в социальной иерархии», «ущербности условий существования», «доминирующего иждивенчества» и «асоциальных способов поведения» [см.: 3, с. 65-67].

Процессы маргинализации, охватывающие все более значительное число граждан, и негативно значимая часть процессов социальной стратификации российского общества, детерминирующая глубокую дифференциацию его структуры, указывают на параллелизм этих явлений в общественном устройстве, в том числе и по отношению к общим тенденциям и состоянию такого социально-негативного явления как преступность. Наши эмпирические исследования показывают, что, начиная с 90-х гг. XX в., число преступлений, совершаемых лицами из маргинальных групп населения, на протяжении последующих десятилетий стабильно удерживается в пределах 60 % от числа всех совершенных уголовно-наказуемых деяний [4].

Рассмотрение маргинальности как социального явления и как свойства, обуславливающего такую специфическую форму отклоняющегося, в том числе и преступного, маргинального поведения, должно начинаться с комплексного изучения непосредственного родового признака (свойства), которым, в нашем случае, выступает данный феномен. Анализ семантического и этимологического значений, знание историографии вопроса позволит, на наш взгляд, выявить сущностный и теоретико-познавательный аспекты данного явления, установить причинный комплекс взаимодействия и, возможно, взаимовлияния маргинальности на правонарушающее, в т.ч. противоправное, поведение и наоборот, а также теоретически обосновать методологические аспекты изучения данного феномена.

На наш взгляд, общая теория маргинальности (маргиналистика)*, в широком смысле – *совокупность идей, взглядов, подходов и концепций, направленных на осмысление, изучение и объяснение социального явления, обозначающего «пограничное» пространственно-временное положение индивидов, страт (групп) в социокультурной структуре общества*, является достаточно перспективной отраслью научного познания, которая может способствовать как научно-теоретическому осмыслению рассматриваемого феномена, так и оказать влияние в содействии выработке механизмов по преодолению процессов маргинализации, в том числе посредством совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности.

Рассматривая генезис теории маргинальности, хотелось бы отметить, что в основе её формирования

лежит социально-философская категория отчуждения исследуемая Гегелем, Зиммелем, Марксом, Вебером, Дюркгеймом и другими выдающимися зарубежными мыслителями.

«Маргинальная личность (от лат. *margo* – край, находящийся на краю) – понятие, изначально и традиционно употребляемое в западной социологии для выделения и анализа специфических, противопоставляемых общественно-нормальным, отношений социальных субъектов» [8, с. 175]. «Маргинал (фр. *marginal*, от лат. *margo* – край) – человек, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни (люмпен, бродяга и др.)» [9, с. 339].

Термин «маргинальность», впервые введенный в научный оборот основателем Чикагской социологической школы Р. Эзра Парком в работе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928 г.), стал употребляться в связи с изучением миграционных процессов в США на рубеже XIX-XX вв., вызванных высокими темпами урбанизации, развитием торговли и существенными изменениями социальной инфраструктуры городов-мегаполисов [см.: 8, с. 175].

Вообще, влияние миграции на развитие цивилизации в контексте «исторического передвижения» народов и рас в своих работах рассматривали и другие американские социологи, философы, этнологи: Г. Тэйлор, М. Семпл, К. Бучер, Т. Уэйтс, Ф. Теггарт, Г. Миррей, А. Гийот и другие, выводы и обобщения которых, в зависимости от векторности их исследований, носили разнообразный, а порой и прямо противоположный характер.

Р. Парк, анализируя и обобщая эти и иные многочисленные теоретические исследования, отмечает, с одной стороны, позитивность миграционных процессов для мировой цивилизации, смысл которого заключается в сосуществовании многообразия национальных особенностей для более успешного функционирования и эволюции любой общественной формации. С другой стороны, Р. Парк указывает на негативное влияние именно неорганизованной миграции, которая значительно изменяет общественную культуру. Природа таких изменений социокультурного пространства, по мнению автора, складывается в результате разрушения привычных моделей действий и мыслей самих мигрантов, когда они, оказавшись в новых условиях, испытывают «освобождение» от ограничений и сдерживающих факторов, которым они ранее были подчинены. Свидетельством такого «освобождения» становится в том числе *агрессивное отстаивание своих прав* (агрессивная самоуверенность), изменяется их образ мышления, для которого характерными становятся моральная дихотомия, раздвоенность и конфликт, которые длятся продолжительное время и влекут за собой соответствующие модификации характера и психики. Р. Парк называет

* Примеч.: термины «маргинология, маргиналистика» употребляются в работах 5-7.

этот период внутренним беспорядком напряженного самоосмысления, в результате которого создается «культурный гибрид» с неустойчивым характером и особыми формами поведения – «маргинальная личность», «в душе которой – моральная неразбериха, а в сознании – смешение культур» [10, с. 133].

Вывод автора основан на положении о том, что «маргиналом» является человек смешанной крови (как мулаты в Соединенных Штатах, евразийцы в Азии и др.). И это ясно, – утверждает Р. Парк, – потому, что человек «смешанной крови» живет в двух мирах и в обоих из них чувствует себя в какой-то мере «чужим» по причине «разности ментальности» мигранта и коренного населения.

Помимо специфических личностных характеристик, детерминирующих маргинальность, Р. Парк указывает и на глобализационные процессы, влияющие на ее интенсификацию, в частности, на рост городов-мегаполисов, в «огромных плавильных котлах» которых феномен маргинальности воспроизводится в большей степени [10, с. 135].

Первый этап исследования концепции маргинальности, имевший место в работе Р. Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек», был связан со сложившейся ситуацией на американском континенте в начале XX в., которой были присущи интенсивность европейских миграционных потоков, внутренняя миграция в пределах США, проблемы столкновения расовых интересов: черной, белой и желтой рас. Все это объективно не могло не повлиять на специфику социологических исследований того времени. Оказавшись в центре внимания ученых, проблемы культурного конфликта между различными группами, а также сообществами мигрантов и коренного населения действительно требовали адекватного концептуального исследования. В связи с этими обстоятельствами Р. Парк, как один из ведущих социологов того периода, стал теоретическим исследователем маргинальности, применив для обозначения специфической характеристики мигрантов, на наш взгляд, наиболее приемлемый, характерный для отражения сущности изучаемого явления, обобщающий термин – «маргинальность». В дальнейшем теоретическая концепция Р. Парка получила название «культурной маргинальности», и исследования психологических (но не только – Р.С.) особенностей маргинального человека были продолжены многими другими исследователями (Э. Берджесс, Ж. Кланфер, Б. Манчини, Э. Стоунквист, Е. Хьюз и многие другие).

Вторая половина XX в. для зарубежной теории маргинальности характеризуется, наряду с традиционными этнокультурными и психосоциальными подходами, развитием новых концепций в изучении этого феномена.

Так, Е. Хьюз обращает свое внимание на трудности социальной адаптации, особенно женщин, в

процессе овладения профессией. Автор отмечает, что маргинальность следует рассматривать с точки зрения социальной мобильности, а не только расовых и культурных смешений [11]. Маргинальность может возникнуть там, где происходят существенные социально-статусные изменения, считает автор. В свою очередь, она обуславливает поведение людей, которые находятся в позиции неопределенности социальной идентификации, что сопровождается крушением надежд, разочарованиями, конфликтами (фрустрацией) личностных и групповых стремлений, связанных со статусной дилеммой. Рассматривая концепцию маргинальности с позиций социальной мобильности, Е. Хьюз определяет этот феномен как переходное состояние из одного образа жизни – к другому, от одной культуры или субкультуры – к другой [11, с. 62].

Концепции культурной маргинальности поддерживаются и развивают ее в дальнейшем: А. Антоновски, М. Гоулдберг, Т. Уитерман, Ю. Краусс и др. [12-14], которые формируют новые подходы и точки зрения на проблему маргинальности, в связи с чем возникают несколько ее новых направлений, значительно расширяющих понятие объекта исследования и дополняющих его атрибутивными характеристиками. Эти направления рассматривают в качестве причин маргинальности социальные изменения, формирующиеся в процессе профессиональных, возрастных, демографических и иных факторов, обуславливающих пограничность или промежуточность положений индивидов или групп.

Важным этапом в развитии теории маргинальности, исследуемой зарубежными учеными, является вывод о том, что концепция этого феномена, перестав быть унитарной, определила три важных направления в ее разработке: культурная, структурная и статусная маргинальность.

В то же время в американской социологии преобладающим остаётся субъективистско-психологический аспект, который основан на доктринальном положении личности «на границе двух культур» и пограничном состоянии «*комплекса социально-психологических последствий процессов миграции*» (дисгармония, потеря самоидентификации и статуса, невозможность или сложность процессов социализации и т.д.).

Различными от традиционных американских философских и социологических направлений исследования маргинальности являются западноевропейские теоретические концепции этого феномена. Их отличительной чертой является поиск фундаментальных социальных оснований маргинальности.

Дж.Б. Манчини, Ж. Кланфер, Л. Альгюссер, В. Тернер, К. Рабан и другие в своих исследованиях акцентируют внимание уже не столько на специфических свойствах исторически конкретной маргинальной личности, сколько центром их изучения

являются особенности и характеристики, а также положения маргинальных страт (групп) в *социальной структуре общества*.

Для немецкой теоретической концепции маргинальности характерен структурный подход, который определяет маргинальные группы как глубоко дистанцированные от доминантной культуры «основного общества», находящиеся на низшей ступени иерархической структуры; к ним относятся различные гетерогенные группы (цыгане, иностранные рабочие, проститутки, алкоголики, наркоманы, бродяги, молодежные субкультуры, нищие, преступники и освобожденные уголовники). В основу этой концепции было положено изучение особенностей процессов маргинализации, которые усилились в связи с воссоединением Восточной и Западной Германии [6, с. 20], где на рынке труда образовался «излишек» трудового активного населения, в т.ч. из маргинальных слоев населения Восточной Германии.

Кроме того, на общую теорию маргинальности западноевропейских исследователей значительное влияние оказали теории «социальной дифференциации» Г. Зиммеля, «теория разделения общественно-го труда» Э. Дюркгейма, теория классового строения общества К. Маркса, «социальная стратификация» П. Сорокина, теория «включения/исключения» французского социолога и философа Р. Ленуара и многие другие учения известных зарубежных теоретиков в области философии, социологии, психологии и права.

Так, отмечая нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими, Р. Ленуар отмечает, что феномен «исключения» имеет характер не индивидуальной неудачи, а его истоки лежат в принципах функционирования современного общества. В условиях современности процессы включения/исключения приобретают уже глобальный характер [15].

Следующий этап, который отмечен новейшими зарубежными исследованиями теории маргинальности, отличен от предыдущих тем, что термин «маргинальность» широко используется, с одной стороны, в научной философской и социологической деятельности как комплексное понятие в области межотраслевых эмпирических изысканий, с другой стороны – эта проблема приобретает уже внедисциплинарный характер в связи с возникновением многочисленных концепций маргинальности внутри ее изучения – в том числе и международной организацией «Объединенных областей детального исследования объекта» (JACS), а также в рамках Национального Центра Исследовательских знаний [16].

Выделяется новый – пространственный – тип маргинальности, который рассматривается в связи с изучением территорий, географически удаленных от основных экономических и культурных центров, являющихся труднодоступными для адаптации их

в универсум по причинам отсутствия эффективно функционирующей инфраструктуры этих «зон маргинальности» и, таким, образом изолированными (или близкими к изоляции) от внешнего мира (Бродвин, 2001; Мюллер-Бёккер, 2004; Джуссила, 1999; Мейта, 1995 и др.) [15].

Представляется, что рассмотренные нами отдельные этапы генезиса зарубежной теории маргинальности, родоначальником которой явился Р. Парк, и лежащая в ее основе концепция «отчуждения» Г. Зиммеля, указывают на некоторые характерные особенности ее периодизации, а именно:

– первый этап, начавшийся с 20-х гг. XX в., отличается введением в научный оборот терминов «маргинальность», «маргинальная личность»; введением и преобладанием номиналистского социально-психологического подхода в изучении такого типа личности и ее особенностей; выделением, в большей степени, негативных ее характеристик, что послужило коннотацией этого понятия в отрицательном значении; расширением представлений «о маргинальном человеке» в связи с изменением его профессионального, образовательного, религиозного и демографического статусных положений, что в целом явилось основой для методологических обоснований социолого-теоретической концепции маргинальности;

– второй этап, относящийся к середине XX в., расширяет границы рассмотрения маргинальности не только как этнокультурного, но и социального феномена. Европейские исследования отличаются ориентацией, в большей степени, на изучение маргинальности на групповом уровне; рассматривается более широкий спектр факторов и причин, ее обуславливающих: экономические, социально-правовые, идеологические, политические и др.; философские школы и направления помогают сформировать структурный подход в рассмотрении маргинальности и обозначают новые векторы ее комплексного и междисциплинарного исследования, тем самым значительно актуализируя необходимость ее системного изучения;

– отличительными особенностями третьего этапа, характерного для конца XX - начала XXI вв., являются: многократно возросший интерес к исследованию феномена маргинальности; формирование общей теории ее изучения; системный характер и расширение междисциплинарных и внедисциплинарных подходов; типологизация маргинальности в контексте микро-, макро- и мегауровней; создание международных организаций и активизация их деятельности по изучению маргинальности как объекта детального исследования в мировых масштабах.

Рассматривая периодизацию российских исследований, Е.Ю. Матвеева выделила три этапа развития общей теории маргиналистики: 1) с середины 80-х до начала 90-х гг. XX в. (на «взлете» перестрой-

ки); 2) после «революционной ситуации» 1991 г. до середины 90-х гг.; 3) с середины 90-х гг. (после некоторой стабилизации процессов трансформации) и до настоящего времени [см.: 7, с. 12].

Распад Советского Союза, глобальные изменения и неопределенность социальной структуры российского общества, начавшиеся в 90-х г. XX в., значительным образом повлияли на возрастание научно-теоретического и практического интереса к изучению проблем маргинальности и причин, ее обуславливающих, у российских ученых. Так, по мнению Н.И. Лапина, трансформация российского общества послужила поводом для массовой десоциализации, потери ценностных ориентаций и неопределенности социального статуса значительного числа российских граждан [17, с. 21].

С другой стороны, исследуя реакцию государства на происхождение процессов маргинализации, Т.Х. Керимов отмечает, что маргинальность является понятием, служащим для «оправдания репрессий в отношении специальной части людей, не соответствующих принятым в обществе нормам и ценностям» [18, с. 468].

Значительная часть исследований маргиналистики XX в. относится в своем большинстве к социологическим направлениям, где маргинальность анализируется и рассматривается как элемент социальной структуры российского общества (С.Ф. Краснодарская, В.М. Прол, З.Х. Галимулина) [19-21]. Продолжает исследоваться философский, и в т.ч. культурологический, аспект маргинальности (И.И. Дмитрива, И.В. Митина и др.).

Новейший этап рассмотрения феномена маргинальности в России отмечается возросшим массивом ее комплексных исследований. Диапазон его изучения остается как традиционно философским и социологическим, так и расширяется за счет направлений, непосредственно или опосредованно исследующих маргинальность как одну из форм девиантного поведения в области естественно-гуманитарных знаний: психологии (Е.В. Змановская, В.Д. Менделевич и др.); девиантологии отклоняющегося поведения (Я.И. Гишинский, Е.И. Манапова, Н.И. Протасова и др.); аддиктологии (Г.В. Старшенбаум); медицины (Г.В. Нестеренко); социальной медицины (Е.В. Черносвитов, А.Р. Решетников, А.А. Гольденберг и др.); социальной психологии (Ю.А. Клейберг, О.И. Ефимов, Ю.А. Кокорева и др.).

Формируются экономическое направление изучения маргинальности в теоретической сфере социологии экономики (Н.Г. Леонова, З.Т. Голенкова, Н.Е. Тихонова и др.); историческое (Ю.М. Полянская); филологическое (А.И. Вяткина, Н.Ю. Плаксина, И.А. Романов); педагогическое (Т.В. Ворончихина, Е.Н. Пачколина).

Из традиционных социологических и философских подходов выделяются исследования в

области социологии и философии права (В.А. Бачинин, В.Ю. Бельский, Г.К. Варданынц, Ю.Г. Волков, А.И. Кравченко, С.И. Курганов, В.В. Лапаева, О.В. Степанов и др.).

Расширяются теоретические исследования в области теории государства и права (А.А. Никитин; А.В. Нечаева); криминологии (А.И. Долгова, С.Я. Лебедев, М.А. Кочубей, А.Ю. Голодняк, Е.В. Садков и др.) и в иных отраслях гуманитарных знаний.

Гуманитарный подход к маргиналистике в зависимости от объектов исследования, а также поставленных авторами задач и целей в диссертационных работах выделяет такие виды маргинальности, как: культурная маргинальность (И.Д. Лапова, Новосибирск, 2009; С.М. Логачева, Воронеж, 2002); религиозная (С.П. Гурин, Саратов, 2003); этнокультурная (Т.В. Вергун, Ставрополь, 2001; Р.В. Бухаева, Иркутск, 2003; И.Н. Костина, Чита, 2007); этническая (Е.В. Покасова, Новосибирск, 2005); социокультурная (Е.И. Ефремова, Иркутск, 2006); структурная и профессионально-статусная (А.В. Ермилова, Н. Новгород, 2003; Е.Ю. Матвеева, Архангельск, 2006); возрастная (Н.В. Забелина, Курск, 2006); политическая (И.В. Иванова, Саратов, 2005; Т.А. Махмутов, Уфа, 2006).

В связи с разнообразием направлений и обширной географией российских исследований в этой области хотелось бы отметить определенное значение для становления и осмысления отечественной теории маргинальности и работы ученых казанской высшей школы, и в том числе Казанского государственного университета. В частности, философские исследования теоретической концепции отчуждения как фундаментального учения, лежащего в основе понимания и формирования «теории маргинальности», проводятся на философском факультете (О.Г. Иванова, Г.К. Гизатова, А.Б. Лебедев, М.Б. Садыхов, Э.А. Тайсина, М.Д. Щелкунов и др.) [22].

Социологическое направление, исследующее и рассматривающее в учебном процессе маргинальность как социальный феномен и его структурные характеристики, разрабатывается в КГУ Л.Р. Низамовой, А.А. Салагаевым, З.Х. Сергеевой и др. [23].

Значительная роль в исследованиях феномена маргинальности принадлежит профессору Казанского государственного медицинского университета В.Д. Менделевичу, который осуществляет комплексные изыскания в области психологии девиантного (маргинального) поведения [24], останавливая свое внимание и на освещении правовых аспектов этого вида неконформного поведения.

Как показывают наши аналитические исследования [см.: 4], значительным образом расширяет свои познавательные ресурсы и зарубежная маргиналистика. Наряду с традиционными философско-социологическими сферами рассмотрения феномена маргинальности наблюдается многократно возрос-

ший интерес к ее изучению в области социальной медицины, психологии и, в особенности, в части теоретико-правовых, а также криминологических изысканий [25-27].

Действительно, и зарубежная, и отечественная маргиналистика сумели обозначить и обосновать проблему маргинальности как одну из серьезных теоретических задач современной науки, имеющей, на наш взгляд, неоспоримое значение для практики. При этом преобладающее большинство (если не вся совокупность) знаний в общей теории маргинальности прямо или опосредованно связывают, соотносят, коррелируют, отождествляют и т.д. как саму маргинальность, так и маргинальное поведение, ситуацию (положение) с социально-нормативными, а если быть более точными, с правовыми институтами.

Обобщая и анализируя совокупность полученных знаний о маргинальности, мы полагаем возможным охарактеризовать этот феномен в широком смысле как *историческое относительно устойчивое социальное явление, обусловленное как внутренними (личностными), так и внешними (социально-экономическими, политическими, демографическими, духовно-нравственными, в т.ч. религиозными, и т.д.) причинами и закономерностями, которые в своей взаимосвязи либо совокупности продуцируют формирование специфических, неадаптированных (или находящихся в процессе адаптации) к социально-нормативной системе лиц, групп (страт).*

Кроме того, в маргиналистике формируется общенаучное понимание термина маргинальность, который, по нашему мнению, означает *междисциплинарное понятие, синтезирующее в себе комплекс гуманитарных и естественнонаучных полученных знаний, употребляемое для обозначения специфических характеристик лиц или групп, находящихся в «пограничном» положении по отношению к доминирующим социальным структурам и соционормативной системе.*

В зависимости от предметной области рассмотрения понятия «маргинальность» той или иной наукой этот термин находит свое употребление и конкретизируется теми или иными специфическими характеристиками, дополняющими содержание этого общенаучного определения.

Например, в сложившемся на сегодняшний день правовом подходе в российской маргиналистике это явление понимается (хотя и не всегда, но преимущественно – *Р.С.*) в качестве социально-негативного, с точки зрения его возможности или способности значительным образом влиять и обуславливать деструктивные (маргинальные) модели девиантного поведения. Этот подход изучает маргинальность и ее формы, причины и закономерности, детерминирующие как само это явление, так и специфические особенности маргинальной личности, формирующие в целом отдельные формы девиантного, правонару-

шающего и, в том числе, преступного поведения. В нем формируются два направления: теоретико-правовой и криминологический.

Первое из них включает в себя теоретическое изучение и обоснование причин и условий возникновения этого социального феномена; историзм данной проблемы; взаимодействие маргинальности и права; особенности и закономерности маргинального поведения, а также механизмы его формирования; статусное положение маргинальной личности и соответствующих групп в системе таких категорий, как «субъект права», «субъект правоотношений»; исследование правового нигилизма и его отдельных форм – как специфического свойства маргинальной личности; рассмотрение степени влияния различных маргинальных групп на состояние законности и правового порядка и т.д.

Анализируя совокупность работ в области теории государства и права, мы получаем возможность сформулировать следующее обобщенное понятие маргинальной личности: это *тип личности, формирующейся в условиях внутренних (психологических, физиологических, нравственных и др.) и внешних (социально-экономических, политических, демографических и иных) изменений образа жизни, связанных с потерей самоидентификации, социально-правового и имущественного статуса***, или *обладающей таковым в зависимости от его институционализации***.*

Предметную область криминологического подхода составляют: маргинальный образ жизни, криминальная маргинальность, а также маргинальная преступность – как элемент этой совокупности специфических форм и видов жизнедеятельности; теоретический анализ изучения как самого феномена, так и теоретических вопросов происхождения понятия маргинальность; социально-психологические характеристики маргинальных лиц, совершающих уголовно-наказуемые деяния; концепция «маргинальной преступности» – как самостоятельный вид системы преступлений; причинный комплекс, обуславливающий этот вид преступности; деятельность субъектов и меры по предупреждению маргинальной преступности.

** К этой категории мы относим: лиц без определенного места жительства, беспризорных, нелегальных мигрантов, не занимающиеся трудовой деятельностью, больных алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, СПИДом, ВИЧ-инфицированных и страдающих другими социальными заболеваниями, различными видами аддикций, ранее судимых, психически больных с асоциальным поведением.

*** К этой категории мы относим: официально зарегистрированных безработных; пенсионеров с доходом ниже прожиточного минимума; социальных сирот; легальных мигрантов; лиц, лишенных родительских прав; находящиеся в изоляции от общества и др.

Под маргинальным образом жизни (в криминологическом смысле) мы понимаем *совокупность типичных для социально-неблагополучных (маргинальных) групп видов и способов жизнедеятельности, для которых характерны: отсутствие постоянного источника доходов, отчуждение от общественно-полезной деятельности, делинквентное (как асоциальное) поведение, связанное с неприятием или отрицанием правовых норм (правовой нигилизм), и, в силу этих обстоятельств, склонность к совершению правонарушений, в т.ч. преступлений.*

Таким образом, значение правового подхода как для маргиналистики, так и для юриспруденции, на наш взгляд, трудно переоценить. В этом смысле проблема маргинальности должна решаться «в рамках права, через право и посредством права» [28, с. 658]. С одной стороны, осуществление этой задачи видится в совершенствовании законодательства, признающего естественные права человека и гражданина и осознающего гуманистическую роль права в поиске новых путей разрешения проблемы углубления процессов маргинализации. С другой стороны – в реализации правовых норм в отношении маргинальных лиц (групп), соответствующих задачам и целям правовой политики.

Литература:

- Стариков Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. – М., 1989. – № 4. – С. 142-155.
- Социальная стратификация российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Летний сад, 2003. – 366 с.
- Балабанова Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе // СОЦИС. Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 65-71.
- Степаненко Р.Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни: автореф. дис.канд.юр.наук. – Казань, 2005. – 25 с.
- Атоян А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного культурно-исторического синтеза // Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 29-36.
- Маргинальность в современной России / Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлацкая, А.Н. Демин и др. Сер. Научные доклады. Вып. 121. – М.: МОНТ, 2000. – 208 с.
- Матвеева Е.Ю. Концепция маргинальности как теоретический инструмент анализа современного студенчества: автореф. канд. философ. наук. – Архангельск, 2006. – URL: <http://diss.rsl.ru>
- Поляков В.И. Маргинальная личность // Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
- Булько А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 т. слов. – М.: Изд-во «Мартин», 2008.
- Park R.T. Human migration the marginal man // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – № 6. – P. 133-141.
- Hughes E.C. Social change and status protest: An essay on the marginal man // Phylon-Atlanta. – 1945. – Vol. 10. – № 10. – P. 58-65.
- Antonowski A., Toward A. A refinement the «marginal man» concept // Social forces – Chapel Hill. – 1956. – Vol. 35 – № 1. – P. 57-62.
- Goldberg M. A qualification of the marginal man theory // American sociological review. – 1941. – Vol. 6. – № 1. – P. 52-58.
- Wittermans T., Kravss Y. Structural marginalite and the social woth // Sociology and reseach. – 1964. – Vol. 48. – № 3. – P. 348-360.
- Lenoir R. Dex exlus un francais surd ix. – Paris: Seul, 2004. – P. 5-6.
- Gurung G.S., Kollmair M. Marginality: Concepts and their Limitations. / NCCR IP6 Working Paper № 4. – Zurich: Departament of Geography, University of Zurich, 2005. – P. 1-20.
- Лапин Н.И. Тяжкие годы России // Мир России. – 1992. – № 1. – С. 20-24.
- Современный философский словарь. Лондон – Париж – Москва – Минск: Изд-во «Прант-Принт», 1998. – 1312 с.
- Краснодемская С.Ф. Социально-экономический анализ маргинальности в сфере труда: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М., 1995.
- Прол В.М. Маргинализация населения Западно-Сибирского Севера в структуре региональной политики: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 1996.
- Галимуллина З.Х. Маргиналы: понятие и эмпирическая реальность. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1995. – 74 с.
- Философское учение об отчуждении: история и теория. Материалы научно-методической конференции. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1992. – 142 с.
- Низамова Л.Р. Социальная дифференциация в современной России: от неклассового состояния к постклассовому? // Социальное знание: формации и интерпретации. Межд. науч. конфер. – Казань: Изд-во «Форт-Диалог», 1996. – С. 129-140.
- Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: уч. пособие. – М.: МЕД пресс, 2001. – 432 с.
- Bankovskaya S. Living in Between: Social Marginality and Cultural Diffusion in the Post-Imperial Space, 2000.
- Peter M. On Deviance, Marginality and Social Exclusion. – Young, J. 2002.
- Maguire M., Morgan R., Reiner R. (eds.) Crime and Social Exclusion. The Oxford Handbook of Criminology, 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 457 p.
- Матузов Н.И. Правовая политика. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2007. – 767 с.

General Theory of Marginality: Legal-theoretical Approach

R. Stepanenko
Academy of Management «TISBI»

L. Chulyukin
The Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with stages of establishment and development of foreign and domestic general theory of marginality. Among various trends and concepts of treating the social phenomenon of marginality the authors distinguish legal approach and outline the problems of legal-theoretical and criminological research of marginality.

Key words: marginality, assignment, migration, marginal way of life, subject of law.

